

**Николай
Коняев**

ПЕТЕРБУРГ:
ТАЙНЫ, МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

ПЕТЕРБУРГ: НЕПОВТОРИМЫЕ СУДЬБЫ

Город и его великие люди

Петербург: тайны, мифы, легенды

Николай Коняев

**Петербург: неповторимые
судьбы. Город и его великие люди**

«Страта»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Коняев Н. М.

Петербург: неповторимые судьбы. Город и его великие люди /
Н. М. Коняев — «Страта», 2018 — (Петербург: тайны, мифы,
легенды)

ISBN 978-5-6041463-1-6

В новой книге Николая Коняева речь идет о событиях хотя и необыкновенных, но очень обычных для людей, которые стали их героями. Император Павел I, бескомпромиссный в своей приверженности закону, и «железный» государь Николай I; ученый и инженер Павел Петрович Мельников, певица Анастасия Вяльцева и герой Русско-японской войны Василий Бискупский, поэт Николай Рубцов, композитор Валерий Гаврилин, исторический романист Валентин Пикуль... – об этих талантливых и энергичных русских людях, деяния которых настолько велики, что уже и не ощущаются как деятельность отдельного человека, рассказывает книга. Очень рано, гораздо раньше многих своих сверстников нашли они свой путь и, не сворачивая, пошли по нему еще при жизни достигнув всенародного признания. Они были совершенно разными, но все они были петербуржцами, и судьбы их в чем-то неумовимо схожи.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-6041463-1-6

© Коняев Н. М., 2018
© Страта, 2018

Содержание

Русский император мальтийского ордена	6
Глава первая	8
Глава вторая	13
Глава третья	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Николай Коняев

Петербург: неповторимые судьбы. Город и его великие люди

© Коняев Н. М., текст, 2018

©«Страта», оформление, 2018

* * *

*Судьба – не результат случайных обстоятельств, а предмет
выбора. Ее не ждут, а завоевывают.*
Уильям Брайан

Русский император мальтийского ордена

Безверья гидра проявилась:
Родил ее, взлелеял Галл;
В груди его, в душе вселилась,
И весь чудовищем он стал!
Растет – и тысячью главами
С несчетных жал струит реками
Обманчивый по свету яд:
Народы, царства заразились,
Развратом, буйством помрачились
И Бога быть уже не мнят.
Нет добродетели священной,
Нет твердых ей броней, щитов;
Не стало рыцарств во вселенной:
Присяжных злобе нет врагов,
Законы царств, обряды веры,
Святыня – почтены в химеры;
Попран Христос и скиптр царей;
Европа вся полна разбоев,
Цареубийц святят в героев:
Ты, Павел, будь спаситель ей!..

Гаврила Державин

Двадцатого сентября 1754 года у 25-летней великой княгини Екатерины Алексеевны родился сын, нареченный Павлом, будущий российский император. Считалось, что с рождением ребенка наследника престола завершается миссия Екатерины II в России. Ребенка сразу отняли у матери, и теперь она могла узнавать о нем только украдкой, потому что спрашивать о его здоровье значило бы сомневаться в заботе, которую имела о нем императрица Елизавета Петровна, и это могло быть принято очень дурно.

В своих записках Екатерина почти прямо говорила о том, что Павел рожден ею не от супруга, будущего императора Петра III, а от Сергея Салтыкова.

Таким образом получается, что Павел был родоначальником новой династии «Павловичей».

Как бы то ни было, но правили Павловичи совершенно иначе, чем первые Романовы. Они стремились стать царями русского народа и за это практически все были убиты.

Ровно через полтора столетия после рождения Павла родится последний царевич династии Павловичей Алексей, у которого была, как пишет учитель цесаревича П. Жильяр, «большая живость ума и суждения и много вдумчивости. Он поражал иногда вопросами выше своего возраста, которые свидетельствовали о деликатной и чуткой душе». Однажды цесаревич сказал своему наставнику: «Когда я стану царем, в России не будет бедных и несчастных...»

Но ему не дали стать царем...

Глава первая

Его рождение воспел в своей оде Михаил Васильевич Ломоносов... Ему исполнился год, когда была издана первая в стране грамматика русского языка; два – когда открылся первый русский государственный театр; три – когда основали Академию художеств.

Будущий император рос под грохот победных залпов Семилетней войны: взят Кенигсберг, пал Берлин, впервые прозвучало еще незнакомое имя – Суворов. Павел был первым русским императором, которого готовили к этому титулу с первого дня жизни.

В душных, жарко натопленных покоях императрицы Елизаветы Петровны, где Павел провел свои первые годы, считалось, что с его рождением восстановится запутанный Петром I порядок престолонаследия, закончится чехарда дворцовых переворотов, навсегда будет ограждена страна от засилья всевластных временщиков.

Считалось, что с рождением Павла завершается миссия Екатерины в Российской империи...

«Только что спеленали его, – вспоминала потом она, – как явился по приказанию императрицы духовник ея и нарек ребенку имя Павла, после чего императрица тотчас велела повивальной бабушке взять его и нести за собою, а я осталась на родильной постели... В городе и империи была великая радость по случаю этого события. На другой день я начала чувствовать нестерпимую боль, начиная от бедра вдоль голени и в левой ноге. Боль эта не давала мне спать, и, сверх того, со мною сделалась сильная лихорадка; но, несмотря на то, и в тот день я не удостоилась большего внимания...»

Ребенка навсегда отняли от матери, и теперь Екатерина «могла узнавать о нем только украдкой, потому что спрашивать о его здоровье значило бы сомневаться в заботе, которую имела о нем императрица, и это могло быть принято очень дурно. Его держали в чрезвычайно жаркой комнате, запеленавши во фланель и уложив в колыбель, обитую мехом чернубурой лисицы»...

Во второй раз Екатерине показали сына спустя шесть недель, в третий раз – уже весной. Ее ребенок принадлежал не ей, а Российской империи.

Павлу было четыре года, когда воспитателем ему назначили Федора Дмитриевича Бехтеева. В первый же день вступления в должность Федор Дмитриевич посадил четырехлетнего великого князя учиться грамоте. Вместе с Павлом сели за парту прислуживавший Павлу дворянин Иван Иванович Ахлебин и мамушка Анна Даниловна. Они притворились, что не знают грамоты и будут учиться вместе с великим князем.

С четырех лет Павла стали одевать в такое же, как у взрослых, платье и парик. Парик Павел носил с тех пор каждый день до конца жизни.

Конечно, никак не связано с ребенком, надевшим в четыре года парик и взрослое платье, открытие первого медицинского факультета в России или изобретение солдатским сыном Иваном Ползуновым первой в мире паровой машины, но вместе с тем и связано. Самим фактом своего рождения Павел создавал уверенность в завтрашнем дне для всей страны, ту уверенность, без которой не могло быть ни медицинского факультета, ни Ивана Ползунова со своей машиной.

Многое, что делалось для Павла, делалось для всей страны и в прямом, и в переносном смысле. Он был еще ребенком, но с его именем уже прочно связывалось само это понятие: первое.

Ему была сделана первая в стране детская прививка против оспы, а первый русский учебник по физике назывался «Краткие понятия о физике для употребления Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Павла Петровича».

Надеждам страны на спокойную уверенную жизнь не суждено было сбыться.

Двадцать пятого декабря 1761 года умерла дочь Петра Великого – императрица Елизавета Петровна. В этот день и оборвалось детство Павла. На русский престол взошел Петр III, у которого было очень много чести и своеобразного благородства, и очень мало политического опыта и ума.

Сводя на нет все жертвы, понесенные Россией в Семилетней войне, Петр III немедленно заключил мир с Пруссией, вернул без всяких условий взятые русскими войсками города.

«Я никогда не в состоянии заплатить за все, чем вам обязан... – писал ему Фридрих Второй. – Я отчаялся бы в своем положении, но в величайшем из государей Европы нахожу еще верного друга: расчетам политики он предпочитал чувство чести».

Через двести тридцать лет подобные хвалебные послания, облеченные в нобелевские премии и почетные звания, будут получать и другие руководители нашего государства, и сейчас мы уже на собственном опыте знаем цену этим похвалам, расточаемым за предательство своей страны.

Как и Михаилу Горбачеву два с лишним века спустя, похвалы кружили слабую голову Петра III. Продолжая предпочитать «расчетам политики чувство чести», новый император немедленно возвратил из ссылки Миниха и Бирона, приказал очистить от икон православные храмы...

И вот через шесть месяцев его жена, Екатерина Алексеевна, поддержанная гвардейскими полками, произвела дворцовый переворот.

В ту ночь на 27 июня 1762 года Павла Петровича внезапно разбудили и под охраной перевезли в Зимний дворец. Ребенку было восемь лет, и внезапный ночной переезд напугал его. Новый воспитатель, генерал Никита Иванович Панин, провел с ним в постели всю ночь, чтобы успокоить.

Наутро Павла повезли к Казанскому собору где его мать Екатерина II была провозглашена самодержавной императрицей, а он объявлен наследником престола. А через десять дней Павел узнал о смерти отца-императора.

Все ошибки и преступления перед страной, совершенные Петром III, не имели и не могли иметь отношения к Павлу, если бы не его мать, которая к тому времени уже ненавидела сына.

Павлу было десять лет, когда она, собравшись замуж за Григория Орлова, начала распускать слухи, дескать, великий князь неизлечимо болен и потому не способен наследовать престол. Воспитатель великого князя граф Никита Иванович Панин посадил тогда мальчика в седло и проскакал с ним двенадцать верст, чтобы доказать вздорность этих слухов. Пригнувшись к гриве скакуна, Павел мчался следом за Паниным по раскисшей от весенней грязи дороге, даже не догадываясь, какой приз поставлен на эту скачку. Ведь уже родился у Екатерины II сын, прозванный в дальнейшем графом Бобринским, и, если бы не выдержал Павел испытания, устроенного Никитой Ивановичем, очевидно, Екатерина не успокоилась бы, сделала бы все, чтобы возвести графа Бобринского на престол.

Ту скачку Павел выиграл, но еще тридцать три долгих года отделяли его от ноябрьского вечера, когда примчится он из Гатчины в Зимний дворец, чтобы наконец-то занять узурпированный матерью собственный престол.

Жестокое убийство отца, интриги вокруг престола, в которые втягивали и малолетнего Павла, не могли не подействовать на его характер. Несчастливая звезда российских императоров, кажется, тогда и взошла над его судьбой.

Современники вспоминают, что уже в десять лет взгляд Павла сделался схожим со взглядом старика. Напряженная и непосильная для ребенка духовная работа изнуряла его тело и ум. Быть может, если бы у Павла появились товарищи-сверстники, детские игры и игрушки, он сумел бы позабыть о разыгравшейся трагедии, но этого не было.

Императрица Екатерина, уже привыкшая видеть в сыне не ребенка, а соперника, как к взрослому и относилась к нему. Нет-нет! Ничего похожего на «голштинскую педагогию» она не применяла. У Павла было все.

Еще восьмью лет от роду Павла пожаловали полковником в лейб-кирасирский полк, а в десять – назначили генерал-адмиралом Российского флота.

Хотя Екатерина II и опасалась Павла, она никогда не пользовалась своей властью, чтобы досадить ему или как-то стеснить. Просто она забывала, что ее соперник – ее сын, и главное, что это вообще ребенок. Поэтому-то так мало напоминали богато обставленные покои великого князя детскую. Как, впрочем, и вся его жизнь в те годы очень мало напоминала детство.

В 1764 году Иван Иванович Бецкой составил «Общий Регламент для воспитания детей обоего пола». Опираясь на модные тогда идеи Жан-Жака Руссо и набирающих силу масонов, в Регламенте рекомендовалось удалять детей из естественной среды, из общества, из семьи и до двадцати лет держать в узком кругу воспитателей. Нельзя сказать, что все правила Регламента были осуществлены в воспитании Павла, но общий дух его пронизывал детство будущего императора. И, перечитывая записки учителя Павла – полковника Семена Прошина, ясно видишь это.

«1764 год. 20 сентября. День рождения Его Императорского Высочества: минуло десять лет...»

С утра Павел ходил с матерью-императрицей к обедне, после выслушал проповедь отца Платона и поплакал. Возвратившись к себе, принимал поздравления от придворных, потом позавтракал. Потом в одиночестве играл на бильярде. В шесть часов отправился на бал. В десятом часу лег опочивать. Вот такой день...

Еще один день одиночества и холода, еще один день взрослого человека десяти лет от роду.

Екатерина II не жалела денег на Павла. Не жалела она денег и на игрушки для него, но игрушки эти точно соответствовали нешуточным званиям, возложенным на Павла.

Второго октября 1764 года в приемной зале у Павла появился четырехметровый корабль, сделанный мастером Качаловым. Все было настоящим на этом корабле – все снасти, вся палубная обстановка. Это и был настоящий, только уменьшенный корабль. Его можно было разглядывать, можно было изучать по нему устройство парусного оснащения, но играть с этим кораблем было нельзя. Павел забрал с корабля шлюпку и поставил на стол. Установил парус, потом разложил весла... Шлюпка тоже была настоящей, только притворившейся игрушкой, и скоро Павел позабыл и про нее.

На следующий день, как пишет Семен Прошин, «Его Высочество изволил разбирать и укладывать сигнальные флаги у корабля своего». Вот и все игры. А другие «игрушки»?

«7 октября. Незадолго перед обедом поднес Его Высочеству артиллерийский один офицер родом грузинец князь Чухлыманов две духовые гаубицы и две пушки. В зале делали им пробу. Стреляли деревянными ядрами».

Пушечки эти, изготовленные в 1756 году мастером Даниловым в масштабе один к двенадцати, и сейчас хранятся в Военно-морском музее Санкт-Петербурга.

Но о том, как играл этими пушечками Павел, как и тем кораблем, что несколько дней простоял в приемной зале, кроме короткой записи Прошина, не найти ни полслова. Это более чем странно, ведь Павел – первый русский (опять первый!) император, дни детства которого расписаны почти по минутам.

А может быть, потому и нет записей, что не играл. Может, потому и не играл, что ясно понимал – все это не игрушки. И корабль, притворившийся игрушкой, и гаубицы, и звания, возложенные на него...

При чтении дневников Семена Прошина ясно ощущается диссонанс, пронизывающий все детство Павла.

«Граф Иван Григорьевич читал Его Высочеству рапорт от капитана Плещеева из Средиземного моря».

И тут же, почти без всякого перехода:

«Великий князь изволил говорить, что в республике (так Павел называл свою птичню. – Н. К.) снегири представляют стариков, овсянки старух, чижики буянов, а зяблики кокеток...»

В одной из комнат у великого князя была сделана решетчатая птичня, в другой стоял токарный станок.

Словно бы пытаясь позабыть о страшном взрослом мире, где любовник матери убил его отца, о том мире, из которого приносят ему рапорты боевых офицеров флота и притворяющиеся игрушками взрослые вещи, Павел сам придумывал себе игры. Ему казалось, что при нем находится особый конный отряд из дворян в 200 человек и в этом отряде он состоит ефрейтором. Часто в виде игры он бегал, размахивал руками, давал приказы – производил упражнения с воображаемым отрядом. Рассматривая планы и виды Парижа, великий князь воображал себя полковником и производил распределение полка по местности.

Эти жутковатые – они совершались в полном одиночестве – игры пугали воспитателей Павла, хотя, возможно, они и понимали, что Павел обращается к ним, чтобы хоть как-то освоиться в окружающем взрослом мире, «проходя по всем ступеням службы», а не начиная с чина генерал-адмирала Российского флота. Кстати, по сообщению Семена Прошина, в своем воображаемом конном отряде дворян Павел «дослужился» только до чина вахмистра.

Эти одинокие игры одиннадцатилетнего мальчика, заполняя разрыв в самой методике воспитания, чрезвычайно развивали и обостряли болезненную фантазию и мечтательность. Однажды Прошин застал Павла в задумчивости сидящим за столом, на котором стояла стеклянная пирамида.

– Чем вы заняты, ваше высочество? – спросил он.

– Ах! – вздыхая, ответил Павел. – Я так в свой корабль вгляделся, что и эта пирамида кораблем мне кажется, когда немного призадумаясь...

Потом он отодвинул пирамидку и приказал «принести себе из столярной пилку» и долго пилил что-то. Потом лег опочивать.

Размышляя о характере своего воспитанника, Семен Прошин записывал:

«У Его Высочества ужасная привычка, чтобы спешить во всем: спешить вставать, спешить кушать, спешить опочивать ложиться... Гораздо легче Его Высочеству понравиться, нежели навсегда соблюсти посредственную, не токмо великую и горячую от него, дружбу и милость»¹.

Великий князь, свидетельствовал архимандрит Платон, «наружностью всякого, в глаза бросающегося более прельщался, нежели углублялся во внутренность».

О нервности, непредугадываемости характера Павла пишет и преподаватель астрономии и физики Франц Иванович Эпиниус: «Голова у него умная, но в ней есть какая-то машинка, которая держится на ниточке – порвется эта ниточка, машинка завернется и тут конец уму и рассудку...»

Странно читать эти записи, потому что беспрепятственно, на много лет вперед различают воспитатели Павла его будущую судьбу. И потому и различают, что уже тогда печать ее отчетливо лежала на лице воспитанника, на его характере. Потому что и сам он, кажется, уже тогда очень ясно различал вперед свою собственную судьбу.

«...Выслушав историю Мальтийского ордена, великий князь вообразил себя Мальтийским кавалером», – записывал Семен Прошин.

Так и рос Павел.

---

¹ Отметим попутно, что за ведение записей в дневнике полковник гвардии Семен Прошин был отставлен от обязанностей воспитателя великого князя Павла Петровича.

Современники утверждают, что народ всегда радостно встречал великого князя. В нем, а не в немке Екатерине, видели законного наследника престола.

Павлу было двенадцать лет, когда отношения с матерью-императрицей окончательно испортились. Случилось это 9 июля 1766 года: Павел отказался принимать участие в праздновании годовщины восшествия Екатерины II на престол. Павел считал этот день годовщиной убийства отца. Он спрятался. Ночью поднялся шум – братья Орловы обыскивали петергофский парк и дворец. Забившись в темную каморку, Павел прислушивался к грохоту сапог и думал, что его сейчас найдут и убьют, как убили отца.

И не об этой ли страшной детской ночи вспоминал русский император Павел в холодном, наполненном, как и прошедшее детство, одиночеством Михайловском замке, когда накинёт Яков Скарятин на его шею удавку?..

Глава вторая

Впрочем, Павел и жил всю свою жизнь как будто с удавкой на шее. Двадцатого августа 1772 года ему исполнилось восемнадцать лет. Он достиг совершеннолетия, но мать не уступила престол, хотя клялась, совершая переворот, сделать это.

Более того: когда Екатерина заметила, что великая княгиня Наталья Алексеевна² внушает мужу мысли, дескать, у него больше прав на престол, нежели у матери, она нашла возможность расправиться с дерзкой супротивницей.

Когда великой княгине пришла пора рожать, пять дней не отходила императрица-мать от ее постели, но на ноги роженица больше не встала. И ослушницу тогда Екатерина покарала, и сына на время отвлекла от мыслей о престоле.

– Мертвых не воскресить, – сказала ему императрица-мать. – Надо думать о живых. Разве оттого, что воображали себя счастливым, но потеряли эту уверенность, следует отчаиваться в возможности снова возвратить ее? Итак... Я предлагаю вам, ваше величество, станем искать эту другую.

– Кто она? – спросил Павел, пораженный, что мать уже подыскала ему новую невесту. – Какова она?

– Кроткая, хорошенькая, прелестная... Одним словом, сокровище: сокровище приносит с собою радость.

Вюртембергская принцесса София-Доротея, с которой Павел познакомился в Берлине, действительно понравилась ему.

Она показалась недурною собой, стройной. Была принцесса не застенчива, отвечала на вопросы умно и расторопно. Павел одобрил выбор матери.

Пятнадцатого апреля 1776 года скончалась великая княгиня Наталья Алексеевна, а уже 26 сентября 1776 года состоялось бракосочетание великого князя с Софией-Доротеей, принявшей в православии имя Марии Федоровны.

Через год родился сын Александр, и Павел снова попытался расширить свое участие в управлении Российской империей, но в результате был вообще отстранен матерью от государственных дел.

Когда мать подарила ему в 1783 году Гатчину, Павел переехал туда, выстроил школу, больницу, четыре церкви для различных вероисповеданий, завел стеклянный и фарфоровый заводы, суконную фабрику и шляпную мастерскую. Однако самым любимым делом Павла было устройство своей гатчинской армии.

«Великий князь, в качестве генерал-адмирала, потребовал себе батальон морских солдат с несколькими орудиями, а как шеф кирасиров – эскадрон этого полка, чтобы образовать гарнизон Гатчины, – пишет в своих „Записках“ Н. А. Саблуков. – Оба желания великого князя были исполнены, и таким образом положено начало пресловутой „гатчинской армии“...

Батальон и эскадрон разделились на мелкие отряды, из которых каждый изображал полк императорской гвардии. Все они были одеты в темно-зеленые мундиры и во всех отношениях напоминали собою прусских солдат. Во всех гатчинских войсках офицерские должности занимали люди низкого происхождения, так как ни один порядочный человек не хотел служить в этих полках, где господствовала грубая прусская дисциплина...

Что это были за офицеры! Что за странные лица! Какие манеры! И как странно они говорили! Это были по большей части малороссы. Легко представить себе впечатление, которое

---

² Супруга Павла, Гессен-Дармштадтская принцесса Вильгельмина, принявшая при переходе в православие имя Натальи Алексеевны.

произвели эти грубые бурбоны на общество, состоявшее из ста тридцати двух офицеров, принадлежавших к лучшим семьям русского дворянства».

Екатерина не вмешивалась в гатчинские затеи, поскольку уже окончательно решила устранить сына от правления, передав трон своему внуку Александру Павловичу.

Мы рассказывали, что после рождения великого князя Николая Павловича Екатерина пыталась привлечь на свою сторону и великую княгиню Марию Федоровну. И хотя та отказалась участвовать в этом предприятии, Екатерина своих хлопот не оставила.

Поэтому-то, когда 5 ноября 1796 года за обедом на мельнице Павлу доложили, что из Петербурга прибыл гонец со срочным донесением, великий князь помрачнел.

Какие срочные дела могли быть к нему у матери? Императрица могла, конечно, известить, решилась ли судьба брака великой княжны Александры Павловны со шведским королем, но вероятнее было, что посланец прибыл, чтобы арестовать его и – об этом давно ходили слухи – отвезти в замок Лоде.

– Що там таке? – выходя из-за стола, спросил Павел у гусара-малоросса, принесшего ему это известие.

– Шталмейстер граф Николай Александрович Зубов приихав, ваше высочество, – ответил гусар.

– Зубов? Брат Платона?! – Павел нахмурился. Похоже, что сбывались самые пессимистические прогнозы. Зачем, спрашивается, присылать к нему курьером брата всеильного князя Платона Александровича Зубова, последнего любовника матери? – А богацько их?³

Гусар, вспомнив часто слышанную русскую пословицу, решил блеснуть знанием русского языка.

– Один, як пес, приихав, ваше высочество.

– Ну, с одним псом можно и справиться, – облегченно проговорил Павел и перекрестился.

Когда Павел узнал настоящую причину появления Николая Зубова в Гатчине, внезапный переход от ожидания превратиться в бесправного арестанта к ощущению себя самодержавным правителем вызвал такое сильное удушье, словно на горло накинута петля. Лицо Павла побегровело, несколько мгновений новый император не мог произнести ни звука. Он только мотнул головой, глядя на высокого, атлетически сложенного красавца, привезшего ему долгожданную весть.

Николай Зубов вежливо опустил глаза.

Еще не пришло время. Еще больше четырех лет оставалось до той ночи на 12 марта 1801 года, когда зажатой в кулаке табакеркой проломит Николай Зубов голову своего императора. Наконец Павел взял себя в руки и приказал закладывать карету. Не прошло и получаса, как с супругой, великой княгиней Марией Федоровной, помчался он в Петербург, навстречу судьбе...

«Проехав Чесменский дворец, наследник вышел из кареты, – пишет Ф. В. Ростопчин. – Я привлек его внимание на красоту ночи. Она была самая тихая и светлая; холода было не более трех градусов, луна то показывалась из-за облаков, то опять скрывалась. Стихии, как бы в ожидании важной перемены, пребывали в молчании, и царствовала глубокая тишина. Говоря о погоде, я увидел, что наследник устремил взгляд свой на луну, и, при полном ее сиянии, мог я заметить, что глаза его наполнялись слезами, и даже текли слезы по лицу».

О чем думал в эти минуты Павел? Может быть, вспоминал, как везли его, восьмилетнего, ночью на 27 июня 1762 года из Петергофа в Зимний дворец?

Или вспоминал грохот орловских сапог 9 июля 1766 года, когда он, Павел, забился в темную каморку, чтобы не принимать участия в праздновании годовщины восшествия матери на

---

³ Много ли их? (укр.)

престол, а Орловы начали обыскивать дворец и парк? Или думал он о сне, который минувшей ночью приснился одновременно и ему, и великой княгине?... Павел чувствовал в этом сне, что некая невидимая и сверхъестественная сила возносит его к небу. Он часто просыпался, засыпал и опять просыпался от повторения этого же сновидения... Приметив, что великая княгиня не спит, Павел рассказал ей о своем сновидении и узнал, что и она то же самое видела во сне и тем же самым была несколько раз разбужена.

Перебросившись несколькими французскими фразами с Федором Васильевичем Ростопчиным, Павел приказал ехать дальше. Дорогой беспрерывно встречались посланные из Петербурга курьеры, они разворачивались назад, и теперь за каретой следовала длинная свита саней.

Вечером около девяти часов прибыли в Зимний дворец. Великие князья Александр и Константин встретили Павла в мундирах своих гатчинских батальонов. «Прием, ему сделанный, был уже в лице государя, а не наследника», – пишет Ф. В. Ростопчин.

Павел сразу же прошел к умиравшей матери, которая все еще лежала на полу.

Расспросив медиков, есть ли надежда, и получив отрицательный ответ, Павел приказал поднять мать на кровать и прошел с супругой в угольный кабинет, прилежавший к спальне Екатерины, где она незадолго до этого пила кофе и обдумывала, как составить указ об отрешении Павла от наследования престола.

Всю ночь Павел безвыходно провел во внутренних покоях императрицы, призывая в угольный кабинет тех, с кем хотел разговаривать.

Вызванные должны были проходить через спальню, где все еще шумно дышала императрица. Лицо ее было искажено то ли болью, то ли бессильной злобой. В кабинете тоже слышно было «воздыхание утробы» и хрипение умирающей Екатерины. По временам из гортани ее извергалась темная мокрота.

В угольном кабинете той ночью Павел принял Аракчеева, прискакавшего, по его приказанию, вслед за ним из Гатчины. Воротник Алексея Андреевича забрызгало грязью от скорой езды, и великий князь Александр Павлович, узнав, что Аракчеев выехал из Гатчины в одном мундире, не имея с собой никаких вещей, повел его к себе и дал ему собственную рубашку.

Следом за Алексеем Андреевичем в приемных Зимнего дворца начали появляться гатчинцы в своих непривычных для екатерининских вельмож мундирах.

«Тотчас все приняло иной вид, зашумели шарфы, ботфорты, тесаки, – писал Г. Р. Державин, – и, будто по завоевании города, ворвались в покои везде военные люди с великим шумом...»

Екатерина еще дышала, когда Павел приказал собрать и запечатать бумаги, находившиеся в кабинете, и, как отмечено в камер-фурьерском журнале, «сам начал собирать оныя прежде всех».

Существует предание, что граф Александр Андреевич Безбородко, помогавший Павлу собирать бумаги, указал на пакет, перевязанный черною лентою. Павел вопросительно взглянул на Безбородко, тот молча кивнул на топившийся камин.

Павел бросил пакет в огонь. Считается, что в пакете было подписанное Екатериной завещание. Кажется, только этот перевязанный черною лентою пакет и связывал Екатерину Великую с земной жизнью.

Едва запылал он, объятый пламенем, как стихли хрипы императрицы. Искаженные то ли мукою, то ли бессильной злобою черты лица разгладились, и она превратилась в простую, правда сильно ожиревшую немецкую старушку...

– Милостивые государи! – выйдя в дежурную комнату, объявил граф Самойлов. – Императрица Екатерина скончалась, а государь Павел Петрович изволил взойти на всероссийский престол.

«Никогда не забуду я этого дня и ночи, проведенных мною в карауле во дворце, – писал Н. А. Саблуков. – Что это была за суета, что за беготня вверх и вниз, взад и вперед! Какие стран-

ные костюмы! Какие противоречивые слухи! Императорское семейство то входило в комнату, в которой лежало тело покойной императрицы, то выходило из оной. Одни плакали и рыдали о понесенной потере, другие самонадеянно улыбались в ожидании получить хорошие места».

Глава третья

Павел занимал трон всего четыре с половиной года. Вот его портрет, сделанный графиней Ливен, которая имела все основания не любить его.

«Император Павел был мал ростом. Черты лица имел некрасивые, за исключением глаз, которые у него были очень красивые; выражение этих глаз, когда Павел не поддавал под власть гнева, было бесконечно доброе и приятное. В минуты же гнева вид у Павла был положительно устрашающий. Хотя фигура его была обделена грацией, он далеко не был лишен достоинства, обладал прекрасными манерами и был очень вежлив с женщинами; все это запечатлеvalo его особу истинным изяществом и легко обличало в нем дворянина и великого князя.

Он обладал литературною начитанностью и умом бойким и открытым, склонен был к шутке и веселью, любил искусство; французский язык и литературу знал в совершенстве, любил Францию, а нравы и вкусы этой страны воспринял в свои привычки. Разговоры он вел скачками, но всегда с непрерывным оживлением. Он знал толк в изощренных и деликатных оборотах речи. Его шутки никогда не носили дурного вкуса, и трудно себе представить что-либо более изящное, чем краткие милостивые слова, с которыми он обращался к окружающим в минуты благодушия.

Я говорю это по опыту, потому что мне не раз до и после замужества приходилось соприкасаться с императором. Он нередко наезжал в Смольный монастырь, где я воспитывалась; его забавляли игры маленьких девочек, и он охотно сам даже принимал в них участие. Я прекрасно помню, как однажды вечером в 1798 году я играла в жмурки с ним, последним королем Польским, принцем Конде и фельдмаршалом Суворовым; император тут проделал тысячу сумасбродств, но и в припадках веселости он ничем не нарушал приличий. В основе его характера лежало величие и благородство – великодушный враг, чудный друг, он умел прощать с величием, а свою вину или несправедливость исправлял с большой искренностью».

Но такие портреты Павла в дворянской историографии редкость. Чаще Павла изображали в виде этакой копии его официального отца – императора Петра III. Это ложь. Павел

совершенно не походил на Петра III. И ничего похожего на «деяния» Петра III в правлении Павла тоже не происходило.

Пятого апреля 1797 года, когда в Москве состоялась коронация, император Павел достал составленный им девять лет назад совместно с Марией Феодоровной акт о наследовании престола старшим сыном и, начертав: «Верно. Павел» – положил в специальный ковчезек в алтаре Успенского собора.

Так был восстановлен отмененный Петром I закон о наследовании престола. Этот акт существенно ограничивал свободу монарха в выборе преемника. Престол теперь должен был наследовать старший сын, независимо от борьбы дворцовых партий и придворной конъюнктуры. Благотельность для страны этого акта мы покажем в посвященных царствованию последних русских императоров очерках, а пока скажем, что еще в день коронации Павла был обнародован манифест о трехдневной барщине и запрещено обезземеливание крестьян.

Велико было тогда возмущение рабовладельцев-крепостников, но оно стало еще сильнее, когда через неделю Павел отменил указ 1785 года, освобождающий дворян от телесных наказаний. Осужденные за уголовные преступления рабовладельцы теряли былую привилегию.

Павел значительно ограничил дворянское рабовладение, запретив продажу крестьян без земли⁴.

Еще большее возмущение екатерининских вельмож, забывших, как это можно жить без взяток и казнокрадства, вызвала попытка Павла «открыть все пути и способы, чтобы глас слабого, угнетенного был услышан». Для этого императором был устроен «ящик» или, как его называли иначе, «окно», в которое каждый желающий мог опустить прошение на имя императора.

«Оно помещалось, – писал Н. А. Саблуков, – в нижнем этаже дворца, под одним из коридоров, и Павел сам хранил у себя ключ от комнаты, в которой находилось это окно⁵. Каждое утро, в седьмом часу, император отправлялся туда, собирал прошения, собственноручно их помечал и затем прочитывал или заставлял одного из своих статс-секретарей прочитывать себе вслух.

Резолюции или ответы на эти прошения всегда были написаны им лично или скреплены его подписью и затем публиковались в газетах для объявления просителю. Все это делалось быстро и без замедления. Бывали случаи, что просителю предлагалось обратиться в какое-нибудь судебное место или иное ведомство и затем известить Его Величество о результате этого обращения.

Этим путем обнаружились многие вопиющие несправедливости, и в таковых случаях Павел был непреклонен. Никакие личные или сословные соображения не могли спасти виновного от наказания, и остается только сожалеть, что Его Величество иногда действовал слишком стремительно и не предоставлял наказания самим законам, которые покарали бы виновного гораздо строже, чем это делал император, а между тем он не подвергался бы зачастую тем нареканиям, которые влечет за собою личная расправа.

Не припомню теперь в точности, какое преступление совершил некто князь Сибирский, человек высокопоставленный, сенатор, пользовавшийся благосклонностью императора. Если не ошибаюсь, это было лихоимство. Проступок его, каков бы он ни был, обнаружился через прошение, поданное государю вышеописанным способом, и князь Сибирский был предан уголовному суду, приговорен к разжалованию и к пожизненной ссылке в Сибирь. Император немедленно утвердил этот приговор, который и был приведен в исполнение, причем князь

---

⁴ Здесь надо сказать о необычно милостивом отношении Павла к оставшимся в живых пугачевцам. Пушкин объясняет это тем, что «Пугачев был уже пятый самозванец, принявший на себя имя императора Петра III. Не только в простом народе, но и высшем сословии существовало мнение, что будто и находится в заключении. Сам великий князь Павел Петрович долго верил или желал верить этому слуху. По восшествии на престол первый вопрос государя графу Гудовичу был: жив ли мой отец?».

⁵ В дальнейшем для жалоб и прошений был устроен знаменитый «Желтый ящик» у ворот Зимнего дворца.

Сибирский, как преступник, публично был вывезен из Петербурга, через Москву, к великому ужасу тамошней знати, среди которой у него было много родственников».

Сожаление Саблукова о том, что Павел не предоставлял наказания самим законам, которые покарали бы виновного гораздо строже, чем это делал император, едва ли можно считать заслуживающим внимания. Надо было знать, что самые отъявленные казнокрады, взяточники и лихоимцы и следили в екатерининской России за исполнением законов. Вот уж воистину, если бы Павел отдал исполнение жалоб в их ведение, они были бы чрезвычайно довольны.

Нелепы и другие упреки современников Павла. Они укоряют императора, что он ввел в армии муштру, уволил со службы без права ношения мундира А. В. Суворова, возвысил А. А. Аракчеева.

Но забывают, что тот же Павел присвоил Александру Васильевичу Суворову чин генералиссимуса, а верного Алексея Андреевича Аракчеева дважды увольнял со службы, на которую тот возвратился первый раз благодаря заступничеству наследника престола, великого князя Александра Павловича, а второй раз был возвращен ввиду готовящегося заговора. Однако тогда, при жизни Павла, не успел возвратиться... Вечером 11 марта 1801 года Аракчеев примчался в Петербург, но на заставе его не пропустили в город.

Муштра же выразилась прежде всего в том, что Павел запретил офицерам кутать подобно барышням свои изнеженные ручки в меховые муфты и ездить на военные учения в каретах, запряженных шестериком лошадей.

Гонения на гвардию достигли пика, когда Павел запретил крепостникам записывать своих младенцев-отпрысков в гвардию и тем самым лишил их «выслуги лет», которую они ранее, лежа в колыбелях, приобретали наравне с солдатами, совершающими боевые походы.

Разумеется, гвардейцам, в совершенстве овладевшим искусством изменять своей присяге и почитающим это искусство главнейшей добродетелью, требования Павла, касающиеся повышения боеспособности, не могли не казаться чрезмерными. Сама мысль, что аристократические гвардейские полки могут использоваться не только для совершения дворцовых переворотов, но и для проведения военных операций, казалась рабовладельцам нелепой и отчасти даже сумасшедшей.

«Убежденный, что нельзя более терять ни минуты, чтобы спасти государство и предупредить несчастные последствия общей революции, граф Пален опять явился к великому князю Александру, прося у него разрешения выполнить задуманный план, уже не терпящий отлагательства. Он прибавил, что последние выходки императора привели в высочайшее волнение все население Петербурга различных слоев и что можно опасаться самого худшего», — пишет генерал Левин Август Теофил Беннигсен, возвращенный в Петербург по ходатайству фон Палена специально для участия в перевороте.

Поэтому и «принято было решение овладеть особой императора и увезти его в такое место, где он мог бы находиться под надлежащим надзором и где бы он был лишен возможности делать зло».

Наступление Павла на свободу, или, как выражались дворянские писатели, занятые «информационным обеспечением» царевбийства, «удушение им свободы», выразившееся в ограничении рабовладения и безнаказанности творимого знатью беззакония, не прибавляло симпатии к Павлу со стороны крепостников. Однако, если мы не разделяем усиленно внушаемой и нынешними «демократами» точки зрения, что какой-то определенный класс людей или какая-то определенная национальность имеют право жить за счет угнетения своих соотечественников, мы должны и о правлении Павла судить не по отношению к нему крепостников, а по конкретным делам, совершенным в те годы.

А дела эти такие.

Учреждена Российско-американская компания; основаны духовные академии в Петербурге и Казани; основан Клинический повивальный институт; учреждена медико-хирургическая академия; основана первая хозяйственная школа в Павловске...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.